

ПИСЬМА Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА К Н. К. РЕРИХУ В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ИРЛИ (1925 г.)

(Публикация А. А. Санниковой)

Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882—1964) — русский писатель (Собр. соч. в 30 т.),¹ книги которого были переведены на многие языки мира (эмигрировал в 1920 г.); исследователь-этнограф (изучал и описывал быт и культуру староверов Алтая);² издатель (имел собствен-

¹ *Гребенщиков Г. Д.* Собр. соч.: В 30 т. / Под ред. А. Б. Фирсова; Вступ. статья М. И. Юдалевича. Барнаул: [Об-во возрожд. истории лит. Сибири], 1998—2004. Тираж 50 экз. Примеч.: все экз. подарочные. См.: Писатель, влюбленный в Сибирь: Каталог выставки, посвященной Г. Д. Гребенщикову / Сост. В. П. Колбунова, Н. В. Воробьева; Алт. краевая кн. ун-верс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. Барнаул: РИО АКУНБ, 2004.

² В 1910—1911 г., изучая в длительных экспедициях старообрядцев на Алтае (в долинах рек Убы и Бухтармы), Г. Д. Гребенщиков с особым вниманием относился к разумной, освященной глубокой традицией организации труда и духовного уклада в старообрядческих семьях. Результатом его двух этнографических экспедиций от Алтайского отдела Императорского Русского географического общества стали не только статьи, но и целая серия лекций в разных городах Сибири, а также в Сибирском собрании в Петербурге. Целью их было пробудить интерес к уникальному опыту «жизнестроительства» беглецов-раскольников в суровых природных условиях Сибири (см.: Исследователи Алтайского края, XVIII—начало XX века: библиогр. словарь / Сост. М. Л. Борцова и др. Барнаул, 2000. С. 65—66). В отчетах писателя Алтайскому отделу Императорского Русского географического общества описываются природно-географические особенности Убинского и Ивановского хребтов, реки Убы, окрестностей Риддерского рудника. Основной задачей изучения являлись этнографические наблюдения: Гребенщиков подробно излагает историю заселения края старообрядцами, обрисовывает их потаенные поселки, обычаи, современный быт и нравы, мало затронутые городской жизнью. Результаты экспедиций с демонстрацией фотографий и некоторых собранных экспонатов были освещены писателем в докладах о староверах на Убе в Обществе изучения Сибири (Томск) и о бухтарминцах в Сибирском собрании Петербурга, а также в многочисленных публичных лекциях. См. сообщения в газ. «Сибирь» (г. Иркутск) о лекциях Гребен-

ное издательство «Алатас»);³ видный общественный деятель русского зарубежья (ратовал за объединение всех прогрессивных сил русской эмиграции для сохранения русской культуры); основатель русского культурного центра Чураевка⁴ в Америке; просветитель (более 30 лет читал лекции о Сибири, Алтае и русской культуре, преподавал русскую литературу, историю в Южно-Флоридском колледже);⁵ мысли-

шикова «Убинские староверы на Алтае» и «Народная песня в Сибири» (1911. 17 февр. № 39; 20 февр. № 42). См. также многочисленные публикации в «Алтайской газете» (г. Барнаул): с 30 нояб. 1910 г. по 17 февр. 1911 г. было опубликовано 13 «географо-исторических очерков» под общим заголовком «В уголках Алтая» (полная подпись Гребенщикова была помещена только под тремя из них, остальные подписаны псевдонимами).

³ Издательство «Алатас» (казах. «Белый камень») основано Г. Д. Гребенщиковым и Н. К. Рерихом в 1923 г. в Париже; в 1925 г. инкорпорировано и перенесено в Нью-Йорк, а затем в Чураевку; в 1927 г. выкуплено писателем. Кроме книг самого Г. Д. Гребенщикова оно издало произведения многих русских эмигрантов: А. Ремизова, К. Бальмонта, Н. Рериха, И. Сикорского и др. «Алатас» имел несколько представительств в разных частях света: в Риге — руководил В. А. Шибаев (16, Jacob Street, Riga, Latvia); в Берлине — М. П. Круз (Nassauischestr 56 Wilmersdorf, Berlin) и два в Харбине — П. А. Чистяков (Пекинская ул., 42) и М. И. Борисов и Е. М. Перов (Китайская ул., 21/85). Подробнее об этом см.: *Тушине Е.* Белый камень Алтая: Гребенщиков и Рерих // Рериховский вестник (далее — РВ). СПб., 1992. Вып. 4. С. 57—58; *Росов В. А.* 1) Книгоиздательство «Алатас» // *Росов В. А.* Рерихи. Восток — Запад: иллюстр. сб. М., 2006. С. 33—39; 2) Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н. К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. 1. Великий План. СПб.; М., 2002.

⁴ Чураевка была задумана Г. Д. Гребенщиковым как скит русской мысли, культурный центр русской эмиграции. Он предпринял постройку небольшой деревни-сада на началах деловой кооперации, чтобы создать уголок для труда и отдыха людей искусства, науки и литературы. Первыми обитателями Чураевки помимо И. Л. Толстого и четы Гребенщиковых стали авиаконструктор И. Сикорский, композитор С. Рахманинов, театральные режиссер М. Чехов. Здесь часто гостили А. Гречанинов, Ф. Шаляпин, С. Коненков, Н. Рерих и многие другие. Наибольшего расцвета поселение достигло в первой половине 1930-х гг. См.: *Чистяков В. Д.* Русская деревня Чураевка в 1999 году // Рус. американец. США, 2000. № 22. С. 98—105; *Тушине Е.* РВ. С. 57—58.

⁵ Цикл лекций о Сибири Г. Д. Гребенщиков начал писать еще в 1923 г. в Париже. Первые лекции он прочел в 1924 г. в парижском Институте восточных языков (*École des Langues Orientales*). Целью своей поездки в Америку писатель объявил прежде всего чтение цикла лекций о Сибири на английском языке под общим названием «Wonders of Siberia» («Чудеса Сибири») (*Гребенщиков Г.* Чудеса Сибири (Wonders of Siberia). Названия и краткое содержание лекций Георгия Гребенщикова. Машинопись с авт. правкой. 4 л. // Архив Чураевки). В 1930-х гг. он осуществил несколько больших лекционных турне по всей Америке (Нью-Йорк, Чикаго, Сэтл, Сан-Франциско, Лос-Анджелес и др.). Тематика лекций была весьма разнообразна: «Всемирная идея русской нации (по эпосе «Чураевы»», «Сибирь — страна великого будущего», «Бесы Достоевского и исповедь Толстого», «Мечта и быль Востока (Кришнамурти и Ганди)», «Рерих и Гималаи», «Стихия русского народа в творчестве Коненкова», «Русь Американская» и др. Всего за свою жизнь в США Г. Д. Гребенщиков прочел тысячи лекций по русской истории, культуре, искусству. С 1941 г. получил должность профессора Южно-Флоридского колледжа и преподавал русскую историю и литературу. См.: *La vie Culturelle de L' Émigration Russe*

тель (в 1945 г. за монографию о Сибири, написанную на английском языке,⁶ университет Андрха (Индия) присвоил ему степень доктора философии).

Г. Д. Гребенщиков и Н. К. Рерих познакомились в Париже в августе 1923 г. К этому времени писатель уже приобрел громкую известность в Европе (его роман «Чураевы» получил широкое признание), успел издать шеститомное собрание сочинений и вел активнейшую общественную деятельность, о чем нередко сообщалось в эмигрантской прессе.⁷ Н. К. Рерих не мог не оценить талант и кипучую энергию молодого писателя-сибиряка и предложил ему переехать в США, чтобы принять участие в культурно-просветительской деятельности, разворачиваемой там знаменитым художником. И весной 1924 г. Г. Д. Гребенщиков покинул Европу ради Нового Света.

С этого момента судьбы двух незаурядных людей переплелись в единый поток начинаний и свершений на ниве культуры, искусства и просвещения: Г. Д. Гребенщиков стал одним из ближайших сотрудников Н. К. Рериха. Одна из главных реформаторских идей художника-мыслителя — мечта о Новой Стране,⁸ независимом сибирском государстве, обновленной России, которая должна появиться на карте Азии в будущем. Этим грезили все посвященные в тайну приближенные сотрудники Рериха (так называемый Круг), в том числе и Г. Д. Гребенщиков. Писатель еще в юности задумывался о будущем России, о возможности построения светской общины нового типа, и пытался реализовать подобные планы задолго до знакомства с Н. К. Рерихом — на Алтае (Сельскохозяйственная артель, 1907 г.), во Франции (Фавьерская коммуна, 1921—1923 гг.). Не оставил он этих идей и после переезда в США (Чураевка, Коннектикут, 1925 г.).⁹ Поэтому мечты Н. К. Ре-

en France: Chronique (1920—1930) / Etablie par Michèle Beyssac; Faculté des Lettres et Sciences Humaines de L'Universite de Clermont-Ferrand. Paris, 1971. P. 11, 12, 16, 21, 22, 38, 48, 49, 56, 57, 61, 62, 76; И. А. Бунин и Г. Д. Гребенщиков. Переписка / Вступ. статья, публ. и примеч. В. А. Росова // С двух берегов: русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 269; Санникова А. А. Школа жизни Г. Д. Гребенщикова (обзор публикаций современных исследований о жизни и творчестве писателя) // Берега: инф.-аналит. сб. о рус. зарубежье. СПб., 2005. Вып. 4. С. 46—58.

⁶ *Grebenstchikoff G. Siberia. The Country of Great Future.* Los Angeles: [Alatas], 1945. 40 p.

⁷ См.: Русское зарубежье: хроника научной, культурной, общественной жизни, 1920—1940. Франция: В 4 т. / Под ред. Л. А. Мнухина. М., 1995. Т. 1: 1920—1929. С. 31, 35, 49, 60, 90, 110, 111, 122—125, 132, 133, 172; Т. 2: 1930—1934. С. 238.

⁸ Подробнее об этом см.: Росов В. А. Николай Рерих...

⁹ Подробнее об этом см.: 1) Санникова А. А. Чураевка как идеал русской общины (культурно-просветительская деятельность Г. Д. Гребенщикова) // Алтайский текст в русской культуре: Материалы III регион. научно-практ. конф. Барнаул, 2006. С. 18—28;

риха попали на самую благоприятную почву: Гребенщиков еще сильнее устремился к реализации своих планов, встраивая их в общее русло идей художника. Н. К. Рерих отводил талантливому сибиряку одну из важнейших ролей в будущем культурном строительстве на Алтае, о чем говорят его доверие и определенная независимость в просветительской деятельности, предоставленная им Г. Д. Гребенщикову.

Переписка Г. Д. Гребенщикова и Н. К. и Е. И. Рерихов была довольно интенсивной. Но, к сожалению, как и все наследие писателя, его письма разбросаны по разным архивам, в том числе и частным. Часть из них была издана.¹⁰

Публикуемые письма, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН, освещают наиболее интересный период жизни Г. Д. Гребенщикова — 1925 г., когда писатель находился на пике своей известности, стал активнейшим сотрудником Н. К. Рериха и основал русское поселение Чураевка. В представленных письмах не преобладает житейский элемент, — в основном это обсуждение текущих дел и размышления писателя на различные темы, в том числе и о таинственной Новой Стране. Эти планы Н. К. Рериха лишь недавно стали известны общественности, когда В. А. Росов опубликовал целый ряд неизвестных ранее архивных документов в монографии «Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н. К. Рериха по окраинам пустыни Гоби» (СПб.: Алетейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2002), раскрывая новые грани личности выдающегося русского художника и мыслителя. Письма показывают степень включенности писателя в планы Н. К. Рериха. Г. Д. Гребенщикова волнует будущее России и судьбы русской эмиграции. Письма Г. Д. Гребенщикова отличает редкая, пронзительная откровенность, почти исповедальность, восходящая к традициям прозы Л. Н. Толстого. От волнения стиль, язык его писем несколько страдают, но это лишь подчеркивает их нравственную ценность. Яркое, красочное мастерство художественного слова Г. Д. Гребенщикова неоспоримо: его романы «Чураевы» и «Былина о Микуле Буяновиче», поэтическое сказание «Хан-Алтай» и многие другие произведения, принесшие ему широкую известность в Европе и Америке, не позволяют в этом усомниться.

Письма хранятся в РО ИРЛИ, р. I, оп. 5, № 511, л. 1—7 об. Текст всех писем и подписи — автограф Г. Д. Гребенщикова. После письма

2) Созидатель Новой Страны (Об одной неизвестной рукописи Г. Д. Гребенщикова) // Берега: инф.-аналит. сб. о рус. зарубежье. СПб., 2008. Вып. 9. С. 17—25.

¹⁰ [Б. п.]. Каждый деятель культуры — как свет во тьме (Из переписки Н. К. Рериха с Г. Д. Гребенщиковым) // Утр. Звезда. Москва, 1994—1997. № 2/3. С. 316—321; Десять писем Г. Д. Гребенщикова к Н. К. и Е. И. Рерихам (1923—1924) / Публ. и примеч. В. А. Росова // Дельфис. Москва, 2001. № 1 (25). С. 30—37.

от 13 июня 1925 г. — приписка и подпись рукой жены писателя — Т. Д. Гребеншиковой.¹¹

Текст писем приводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Трудно читаемые или сокращенные Г. Д. Гребеншиковым слова даются в угловых скобках. Автор выражает сердечную благодарность В. А. Росову (Москва), О. И. Ешаловой (Санкт-Петербург) и А. Б. Фирсову (Барнаул) за помощь в подготовке публикации.

1

13 июня 1925 <г.>, суббота
Near Soufhrbury, Connecticut, U. S. A.

Любимые и Светлые наши Учители!¹¹

Несмотря на всяческие условия, не могу назвать Вас иначе, хотя между собой во всем Кругу мы называем Вас Mather и Father. Сладостно Вас чувствовать отцом и матерью и называть Учителями нашими.

Третий день, а в лете сем — тринадцатый мы с Нару² находимся в глухом лесу,³ и все эти дни вокруг себя чувствуем Ваше присутствие и весь Круг, с которым все у нас идет опять так гладко и красиво. Я эти дни работаю над I томом,⁴ который хочется улучшить и снабдить хорошей вступительной статьей от и <здательств>ва.

Как раз вчера нас омрачила весть о том, что «Гималаи»⁵ будут издаваться без участия «Алатаса». Принимаем это, как удар по «Алатасу», м<ожет> б<ыть> заслуженный, и приучаем себя верить, что какое-то участие «Алатаса» в издании этой величайшей книги рано или поздно будет принято. Пока же кротко принимаем указание и будем помогать в распространении книги всеми нам доступными путями.

Выпуск III тома⁶ задержался сам собой по техническим причинам, т<ак> к<ак> было выражено в Кругу желание выпускать книгу после

¹¹ Гребеншикова Татьяна Денисовна (урожд. Стадник, 1896—1964) — вторая жена Г. Д. Гребеншикова. Медсестра Красного Креста во время первой мировой войны. В эмиграции вместе с Г. Д. Гребеншиковым находилась с 1920 г.; в США — с 1924 г., сотрудничала с Музеем Николая Рериха в Нью-Йорке, помогала вести дела книгоиздательства «Алатас». В 1940-х гг. возглавляла типографию Южно-Флоридского университета и преподавала студентам основы типографского дела. В сведениях для получения американских виз, написанных рукой Г. Д. Гребеншикова, приводятся следующие данные: «Гребеншикова Татьяна Денисовна, род. 6 января 1896 г. в Тифлисе, на Кавказе. Дактилографистка. Русская, православная. Образование: частная гимназия в Харбине. Родители родились: отец — Денис Стадник в Воронежской губ. в 1866 г.; мать — Елена Олейникова, там же в 1868 г.» (Гребеншиков Г. Д. Сведения для виз. 26 октября 1923 г. Автограф. Л. 1—1 об. // Музей Николая Рериха, Нью-Йорк (далее — NRM)).

книги через 3 месяца. Книга выйдет как раз около 24 июня, когда мы и вернемся в N. Y. для ее распределения и продажи, рассылки и проч. Кстати, было получено указание⁷ об уменьшении знака, но текст объявления о подписке на «Гималаи» уже напечатан, и в этом томе оно пройдет от имени «Алатаса», а в I т<оме> уже от имени Brentano и «Корона Мунди», как указано.

После 1-го июля думаем удалиться сюда исключительно для работы над книгою «Pearl of Siberia».⁸ Еще до получения Его Письма⁹ я почувствовал, что в эту книгу должен вложить все лучшее из моих чувствований и дум о Новой Стране, а теперь, когда луч Светлых Сил прикоснулся ко мне, книга в духе моем сразу выросла еще и будет расти в период ее создания, как еще ни одна из моих книг. Она будет построена совсем не как набор статей и повестей. Она складывается как цельный роман, особо связанный с Америкой, и эта страна все время будет отражаться в книге, как в зеркале кристального горного озера. Романическая сторона поможет распространению книги среди американской молодежи, а для деловых людей сумеем подать весь деловой и даже цифровой материал так, что всякий из них не заметит поднесенного им сжатого и всюду рассыпанного официального материала. Нельзя не верить, что при Вашем мудром руководительстве мы сможем сделать все, что нужно сделать, наилучшим образом.

Мы только что прочли ряд страниц из Иск<андер> Хан<ум>,¹⁰ и я должен засвидетельствовать, что никогда еще с такою благостью на нас не действовала сила Ее мудрости. Только так можно нас вести и подвигать, только при таком объективно-беспристрастном суждении о наших поступках и возможностях можно нас заставить любить друг друга и творить всю чистоту наших будущих путей. Именно Она научила меня молитвенно относиться к Ее образу, не сочиненной, а живой Подвижницы-Вождя.¹¹ Ее последнее письмо — чудо. Она несет чашу подвига и ведет и держит всех нас, таких еще неопытных и сбивчивых. Каждая Ее фраза волнует и озаряет своей внутренней, простой и непреложной убедительностью.

С<о> своей стороны мы еще и еще и еще повторим: пусть посвидетельствует за нас время и результаты наших посильных трудов. Они наш самый беспристрастный защитник и свидетель.

Но, оставаясь до конца и до мельчайших подробностей искренними и желая высказать все, что имеется за душою, скажем, что нас очень беспокоит Ваше частое упоминание о лицемерах и предателях. Это единственный пункт, который хочется уяснить как можно лучше и удалить паутину недоверия или сомнений с светлых ликов. Я лично не могу допустить мысли, чтобы столь великие и светлые устремления, каковы Ваши и наши, нуждались в составлении особых списков наших

врагов. Я могу приречь тавро на лбу врага, могу оборвать его при первом слове, могу оберечь от него чистое любимое имя. Но я никак не чувствую себя способным садиться и вносить чьи бы то ни было имена в особые списки. Пусть Сам Он меня наказывает за эту неспособность, но на эту роль я не гожусь и прошу мне разъяснить, зачем это нужно вообще рядом с именами, столь нами любимыми, которые творят лишь светом и любовью? Насколько я, при всей моей, быть может, наивной вере в Благо, могу судить, что самые лютые враги больнее всего уязвимы тем, что о них совсем не говорят, что их стараются не замечать. Быть может, я не дорос, но раз я чувствую, что всякое искание и учет врагов не достойно величайших Ваших и наших целей, я позволяю себе об этом прямо Вам сказать. Вы также знаете мое мнение о родственниках.¹² В целом я не верю им и знаю, что там врагов мы встретим гораздо более, нежели с противной стороны, и все-таки Вы знаете, что я иду с Вами смело и бесстрашно в любом направлении. И если я, сын рудокопа и автор «Микулы»,¹³ говорю Вам — не будем слишком улыбаться этой родне, ибо среди них [каждый] 2-й человек шпион и предатель, значит, надо в этом видеть чистый Божий глас. Так что с этой стороны я знаю, как широко и мудро Вы используете мою искренность и как подвинете меня на любые подвиги одним только заступничеством перед Ним за мою неспособность вести непосильную для меня работу — запись врагов. Вы так прекрасно выразили, что все само растет и складывается. Вырасту и я до всех необходимых мне пониманий. Но не судите же мою уклончивость именно от этой работы как предательство или лицемерие. И если я говорю, что не могу предать даже врага, то не явное ли это доказательство того, что я вообще на это не способен.

Пишу об этом потому, чтобы раз и навсегда устранить с нашего пути абсолютно все недомолвки и сомнения. Раз и навсегда Вам заявляю: всюду побеждал и побеждаю ясностью и прямоотой. И как бы ни вредила мне моя искренность, все-таки — это самый неуязвимый щит.

Но, конечно, разве нужно повторять или разъяснять мне, что если бы я знал, что кто-то вредит или что-то где-то клеветает на моих лучших братьев и учителей — разве нужно говорить мне здесь о моей обязанности? Ясно же, что я здесь поступлю, как честный страж на посту, и не отрекусь от моего учителя, пока три раза пропоет петух. Все-таки надо же в этом отношении подарить меня доверием хотя бы соразмерно моим книгам!

Впрочем, может быть, одно Ваше мудрое Слово, и я все сразу пойму так, как нужно. Но повторяю, что и меня и Нару мучает неясность этого вопроса, ибо Вы в наших глазах всегда поверх всякой боязни, поверх всяких врагов, поверх всяких списков и вообще писанных законов.

Вот так мы говорим. Судите. Пощаду мы считаем унижением. И верим, что все непонятое нами Вы нам разъясните с тою простотой и терпимостью, перед которыми мы только и можем так раскрывать свои сердца и души, как в этом письме.

Мы видим, как широко-объективно Вы нам пишете даже о Светике.¹⁴ Мы не знаем матерей, которые бы с такой всеобъемлющею мудростью судили и осуждали собственного сына. Но, родная наша, мы сами были в положении Светика и знаем, как излишнее, нечуткое, а иногда и грубое вмешательство и назойливое наблюдение отталкивают и даже отвращают. И только очень большая цель и Ваше постоянное присутствие над всеми нами помогли нам все преодолеть. Поэтому я спешу Вас успокоить, что Святослав, по его возрасту, такой мудрец, что не все мы можем с ним сравниться в такте, осторожности и безупречности. Впрочем, не смею вмешиваться, т<ак> к<ак> много не знаю, но не вижу ничего опасного в поведении Св<ятослава>, кроме большого ущерба Кругу, благодаря тому, что он почти перестал в нем появляться. Вывод: поучите нас еще и еще терпимости, доверию и умению не всегда и не <во> все вмешиваться, и не строить страхов там, где их нету. Вообще я опять повторяю: не надо осторожность превращать в панику, ибо никто из нас не совершает ничего дурного, чтобы все время пребывать в страхе иудейском. Наша правда, наше устремление, наша любовь, наконец, наша жажда блага — вот наши щиты и с ними ничего, нигде не страшно, и всего можно достигнуть. И мы достигнем.

Милые, любимые и родные! Знаю, что наше собственное недомыслие часто тянет нас и не дает полета духу, но знайте же одно, что мы умеем видеть наши гири и главное — чистота и бескорыстное стремление ко всему лучшему всегда с нами. Стало быть? и мы всегда с Вами, и Вы судите и любите нас такими, какими мы есть, несовершенными и упрямыми. Только Вы можете это понять и для каждого из нас иметь особую уздечку.

Родные! Вокруг меня березы. Ветерок шепчет молитву бесконечную. Я сижу на низком пне, а на высоком рядом пишу. Рядом дымит костер и лежит хворост. А Нару красит нашу дощатую избушку... И при этом так радостно писать Вам и заявить Вам: мы не знаем никаких препятствий для того, чтобы всегда быть с Вами.

Любимые Отец и Мать — благословите нас!

Тарухан,¹⁵ Нару

Шлю любовь, одну чистую любовь.
Всегда с Вами,

Нару

¹ Подразумеваются Елена Ивановна (1879—1955) и Николай Константинович (1874—1947) Рерихи. Георгий Дмитриевич и Татьяна Денисовна Гребенщиконы были членами крупного общественного объединения русской эмиграции — своего рода общины, духовными лидерами и руководителями которой являлись Рерихи. Все члены общины имели духовные имена, которые они получали от своих Учителей: Урусвати — Е. И. Рерих; Фуяма (Фучай) — Н. К. Рерих; Удрая (Тимур) — Ю. Н. Рерих; Люмоу — С. Н. Рерих и т. д. Ядром объединения были культурно-просветительские организации, учрежденные Н. К. Рерихом в США, Европе, Индии. Первым из этих учреждений стал Мастер-Институт Объединенных Искусств, основанный в Нью-Йорке 17 нояб. 1921 г. (Президент-основатель Н. К. Рерих, президент — Луис Хорш, вице-президенты — Морис Лихтман, Франсис Грант, Зинаида Лихтман). В Институте обучали практически всем видам искусства — живописи, музыке, скульптуре, архитектуре, драматическому искусству, балету, и доступ в него был открыт всем желающим независимо от образования и возраста, существовали специальные классы для детей. Учащимся давалась возможность не только совершенствоваться на избранной ими стезе, но и проходить параллельное обучение в какой-либо другой области. Своеобразным моральным уставом объединения служило Учение «Живой этики» (Агни-йога), распространяемое Рерихами. Н. К. Рерих развернул перед своими сподвижниками грандиозный план всеамериканской, а затем и всемирной культурно-просветительской деятельности. И за несколько лет стараниями этих людей под руководством Рериха были созданы и успешно работали множество организаций и учреждений: художественный Музей имени Рериха, выставочное объединение «Корона Мунди» («Венец Мира»), художественное объединение «Кор Арденс» («Пылающее Сердце»), «Мировая Служба», издательство «Алатас» (с представительствами в Риге, Берлине и Харбине), Общество сибиряков в Америке и др. См.: *Георгий Гребенщиков. Летопись Тарухана. Из дневника 1924 года* / Публ. В. А. Росова // *Вестник Ариаварты* (далее — ВА). 2003. № 1—2. С. 19—31; *Фосдик З. Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами* (По страницам дневника: 1922—1934) / NRM / Сост.: Д. Н. Попов, Е. А. Логаева. М.: Сфера, 1998; *Росов В. А. Николай Рерих...*

² *Нару* — духовное имя Татьяны Денисовны Гребенщиконой. См. примеч. 11 вступ. статьи.

³ Речь идет о Чураевке — русском поселении и культурном центре русской эмиграции, основанном писателем в 1925 г. вблизи местечка Саутбюри (США, Коннектикут), которое находилось на берегу р. Помпераг и было окружено со всех сторон лесами.

⁴ Имеется в виду подготовка второго издания первого тома романа-эпопеи «Чураевы»: *Гребенщиков Г. Братья*. 2-е изд. New York; Paris; Riga; Harbin: Alatas, б. г. (New York: Russian Press, [1925]). 232 с., 1 л. портр.: факс. Список книг изд-ва «Алатас»: с. 230—231. 1-е изд. состоялось в Париже: *Гребенщиков Г. Чураевы*. Париж: Рус. Печать, 1922. 238 с.

⁵ Первоначально выпуск монографии «Гималаи» планировалось осуществить в издательстве «Алатас», Г. Д. Гребенщиков даже успел дать рекламу книги и объявление о начале подписки на нее в конце своего издания «Братья» (Чураевы: роман-эпопея: В 7 т. 2-е изд. Нью-Йорк, 1925. Т. 1). Но позже по финансовым соображениям было решено передать этот заказ издателю Брентано. Книга «Гималаи» вышла с роскошными иллюстрациями (свыше 100 репродукций картин Н. К. Рериха), включала статьи Н. К. Рериха «Знамена Востока», Г. Д. Гребенщиконой «Зов Азии», Фр. Р. Грант «Голос Америки».

⁶ Речь идет о подготовке издания третьего тома романа-эпопеи «Чураевы»: *Гребенщиков Г. Веления Земли*. Париж: Рус. Печать, [1926]; 2-е изд. New York; Paris; Riga; Harbin: Alatas, б. г. (New York: Russian Press, [1926]). 179 с.

⁷ *Указания Махатмы* («Великая душа», санскр.) члены общины Агни-йоги получали путем так называемого автоматического письма — сами или опосредованно, через

Е. И. Рерих. См., напр.: «Тайна Черного Камня велика». Из дневников Елены Рерих (1923—1924) / Публ. А. Малыгина // ВА. 2001. № 1. С. 5—11; Учение Живой этики. Из Кембриджских записей Ю. Н. Рериха, В. А. Перцова, В. В. Диксона. 1921—1922 / Публ. В. А. Росова // ВА. 2002. № 2 (3). С. 45—57.

⁸ «Pearl of Siberia» (англ.) — сокращенное название книги Г. Д. Гребенщикова «Алтай — жемчужина Сибири», посвященной красоте родного для писателя края; она задумывалась писателем в ответ на пожелание Махатмы, высказанное в послании, обращенном к нему лично. Известно, что Рерихи передали Тарухану (духовное имя Г. Д. Гребенщикова) как минимум два письма Махатмы, в которых говорилось: «Мое письмо к Тарухану. — Считаю, книга об Алтае должна явиться событием. Только сам писатель лично ответственно может определить содержание. Именно Тарухан громовым голосом может сказать серебряно самоцветную мудрость Сибири...» (Письмо Махатмы к Г. Д. Гребенщикову, 25 апр. 1925 г. Автограф Е. И. Рерих. 1 л.); «Учитель хотел бы видеть Тарухана сибирским головою, для того пиши книгу об Алтае со всею красотой, знанием и восхищением духа...» (*Рерих Е. И.* Дневник. 1924—1925. ACRC. Note-book. July 27, 1924—May 20, 1925. Автограф. Запись от 15 мая 1925 г.). Цит. по: *Росов В. А.* Николай Рерих... С. 99.

⁹ Письмо Махатмы к Г. Д. Гребенщикову от 25 апр. 1925 г.

¹⁰ *Искандер Ханум* — литературный псевдоним Е. И. Рерих. Гребенщиконы, как и все члены общины, ежедневно читали отрывки книг Агни-йоги, присылаемые по мере их составления Н. К. и Е. И. Рерихами.

¹¹ Вождь — одно из понятий Учения «Живой этики». Подробнее об этом см. последнюю из книг Агни-йоги: Напутствие вождю. 1933. Рига, 1937; То же: Ленинград; Извара, 1990.

¹² *Родственниками* на условном языке в письмах доверенным сподвижникам назывались представители советской власти. Письма в то время подвергались англичанами цензуре (Индия, где поселились Рерихи, была Британской колонией), и поэтому темы, относящиеся к деятельности рериховских учреждений, обозначались специальными кодовыми словами. Некоторые из таких списков тайнописи были опубликованы. См., напр.: «Я вижу, как неслыханно пылает Восток». Алтайские записи Елены Рерих / Публ. В. А. Росова // РВ. Вып. 4. С. 43.

¹³ *Гребенщиконы Г.* Былина о Микеле Буяновиче: в трех сказаниях / Обл. Е. Н. Ширяева. Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, [б. г.] (Paris: Франко-рус. печать, 1924). 356 с. Список книг изд-ва «Алатас»: с. 355. Список книг автора: с. 456; 2-е изд. Нью-Йорк: Алатас, 1928; То же: М.: Ариаварга-Пресс, 2003. 368 с. Прил.: *Гребенщиконы Г.* Чудесное воспоминание. С. 363—366 / Публ. В. А. Росова.

¹⁴ *Рерих Святослав Николаевич* (1904—1993) — младший сын Н. К. и Е. И. Рерихов.

¹⁵ *Тарухан* — духовное имя Г. Д. Гребенщикова.

2

20 июня <1925 г.>, суббота

Письмо, писанное Вам в прошлую субботу, задержалось потому, что думал лично быть в Н. У. и прибавить кое-что о делах. А отсюда не было случая отправить заказным. Кроме того, и это главная причина, письмо это не во всех частях ладное. Взвесивши все снова, мы решили, что было бы нехорошо скрывать те мысли, которые нам неясны или не радостны для Вас. С точки зрения практической не полезна

какая бы то ни было излишняя откровенность, но когда спрашивает самый чистый уголок души, тогда излишняя практичность становится в резкое противоречие с той духовностью, ради которой мы только и идем за Вами. В особенности здесь, в атмосфере одиночества и чистой праны,¹ кажется самую практичную и общепользую мысль о полном бескорыстии. За чрезмерной же практичностью где-то все-таки скрывается физиономия корысти, если не для себя, то для целого общества или даже поколения. Тогда как достижения духовные и победы истинного бескорыстия дадут куда более богатое наследие для всех. Другое дело, когда мы видим перед собою пример Вашего подвига и полного отказа от личных интересов — да, тогда мы знаем, что всякая практичность — лишь камень для моста, по которому пройдем к вершинам. А с вершин, если будем достойны, увидим то, чего не видим сейчас и до чего не доросли. Конечно, Вам все это прекрасно известно, но я хотел Вам еще раз подчеркнуть, что практичность понимаю как костыль для нас, слабых и полухромых. А как только мы могли бы обрести все силы духа — всякая практичность останется у источника исцеления, как брошенный костыль исцеленного калеки. Понятно, пока пойдем на костылях и даже очень крепко будем их держать в руках. В случае нападения собак — будем отбиваться...

Получили вчера редкое и прекрасное письмецо от Радны.² Ее искренняя близость к нам нас радует больше всего. Ее резкость или неискренняя, а подчас ядовитая улыбка — приводит нас в уныние.³ За последнее время мы стали на все отвечать искренней любовью и получаем обильный результат. Все время думаем о них (членах Круга. — А. С.) как о самом радостном и любимом. Вообще за последнее время не мыслим себя отдельно от них и Вас и только хочется внести побольше истинной духовности и широты понимания.

Сообщу Вам кое-что из цикла своих наблюдений. Узнали мы об одной женщине-еврейке. Имя ее Рахиль Кац. Она родом из России. 4 года ходит по Америке и расточает свою любовь людям. Она служит всем и везде, кому придется. Деньги презирает и берет лишь для того, чтобы сейчас же отдать нуждающимся. Питается только растительным, одевается проще простого, спит под открытым небом в лесу, в горах одна, не боится ни простуды, ни змей, ни зверей. Однажды шофер хотел ее изнасил<овать> — она уговорила его и победила жалостью к нему, — он не только отказался от его гнусной мысли, но плакал и на коленях просил ее прощения.

Я мечтаю познакомиться с нею поближе и привести эту святую женщину в наш храм,⁴ а м<ожет> б<ыть>, и в Новую Страну. Дайте мне Ваши советы на этот счет.

Из с. Николаевского на Алтае получил опять 2 письма. Старший брат⁵ живет хозяином, женил сына Илью, 19 лет, ровесника моего То-

ли,⁶ построил ему заимку. Второй брат, Андрей,⁷ после ледяного похода с Колч<аком> был в Китае, вернувшись, был посажен в тюрьму и пытан так, что сошел с ума и теперь, как пишет сестра:⁸ «Ходит дураком. Кто куском пихнет, кто колом попрет». Младший Иван,⁹ женатый на учительнице, очень красиво пишет и излагает. Мечтает о создании книжной лавки в Барнауле, но жалуется, что «Клика¹⁰ ничего не позволяет делать». Я пытаюсь через сына Анатолия помочь ему устроить книжн<ую> лавку и библиотеку в Барнауле. М<ожет> б<ыть>, это будет аванпост «Алатаса».¹¹ Анатолий нынче едет на Алтай продавать наш дом в Колыване. Он окончил уже за 2 года Политехникум, и надеется за год — окончить еще за 2, чтобы в 1926 году, как он пишет, стать инженером. Вы, конечно, видите и здесь Его Руку.

Мы с Нару живем вторую неделю в лесу.¹² Никто не верит из случайно проходящих американцев, чтобы можно было руками двух человек сделать все то, что мы уже здесь сделали. А ведь мы занимаемся нашим углом только между делом, т<ак> к<ак> здесь ведем дела, перепишу, [я] пишу, а она переписывает. Зато ходим в занозах, в ссадинах, в марлях. Вчера упал на меня мною же спиленный каштан и сучком прямо в сердце. Но я даже и не подумал умирать. После еще много работал в лесу и с достоинством ношу рану как раз на том месте, где вырвал кусок мяса французский мул. И всегда ношу в себе образ Сергея,¹³ трудившегося так, как нам и мечтать не приходится. Героиней ведет себя Нару. Могу с гордостью сказать Вам: прекрасная Алтайская сестра¹⁴ ждет труда на Ал<тае>.

На днях ждем к нам всех наших. Радостно, волнуемся. На том и кладемся Вам, любимые и светлые!

Тарухан

Не сетуйте, что пишу редко. Зато много сразу. А больше всего пишу — в книги. Скоро пришлю целый III том.

Только что устроил одну статью об учрежд<ении> и Н<иколае> К<онстантиновиче> в Америк<анских> газетах штата Washington через одного друга — журналиста и сибиряка А. А. Жалудского.¹⁵

¹ *Прана* (санскр.) — одно из понятий индийской философии. В целом это слово можно перевести как «энергия», присутствующая во всем, что существует.

² *Радна* — духовное имя З. Г. Фосдик (в первом браке — Лихтман) (ок. 1889—1983), ученицы и ближайшей сотрудницы Н. К. Рериха. Окончила музыкальное училище в Каменец-Подольске (под Одессой). С 1914 г. жила и работала в Нью-Йорке. Вице-президент Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке. Руководила Обществом Агни-йоги.

³ Отношения Г. Д. Гребенщикова с Кругом (ближайшими учениками Н. К. Рериха и сотрудниками Музея Рериха в Нью-Йорке) по целому ряду причин не складывались и порой бывали весьма натянутыми, особенно с З. Г. Фосдик. Писатель неоднократно

упоминал об этих проблемах в своих письмах и дневниках. См., напр.: *Гребенщиков Г.* Летопись Тарухана... С. 19—31.

⁴ Храм, или *Дом*, — Часовня св. Сергия, организованная в Музее Рериха в Нью-Йорке в 1934 г., а также — Храм как сообщество людей, разделяющих Учение «Живой этики» и строящих отношения на принципах общинной жизни, которым руководили Н. К. и Е. И. Рерихи.

⁵ *Старший брат* Г. Д. Гребенщикова — Николай Дмитриевич Гребенщиков, на то время проживал в с. Шемонаиха.

⁶ *Гребенщиков Анатолий Георгиевич* (1906—1941) — сын Георгия Дмитриевича Гребенщикова от первого брака с Людмилой Николаевной Гребенщиконой (урожд. Степановой). До 1921 г. проживал на Алтае вместе с матерью. Затем приехал в Петроград, откуда пробовал выехать в Финляндию, чтобы перебраться на Запад, к отцу. Однако был задержан и вынужден возвратиться. Пропал без вести во время второй мировой войны.

⁷ *Гребенщиков Андрей Дмитриевич* (1892 г. р.) — младший брат Г. Д. Гребенщикова, уроженец и житель с. Каменевка Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. Занимался мелкой торговлей. Приговором специальной коллегии Восточно-Казахстанского областного суда от 3 апр. 1938 г. осужден по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Обвинен в том, что вместе с братом Иваном Дмитриевичем Гребенщиковым вел переписку с эмигрантом Гребенщиковым Георгием, от которого получал антисоветскую литературу, распространял ее среди родственников и знакомых, а также высказывал свои суждения против проведения на селе коллективизации. Постановлением Президиума Верховного суда Казахской ССР от 6 окт. 1989 г. приговор спецколлегии Восточно-Казахстанского облсуда от 3 апр. 1938 г. отменен за отсутствием состава преступления, Андрей Дмитриевич реабилитирован. По архивным материалам производства 1936 г., Гребенщиков Андрей Дмитриевич и Гребенщиков Иван Дмитриевич были арестованы 15 мая 1936 г. Шемонаихинским РО НКВД по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 УК. Выездная сессия спецколлегии Казахского отделения Верховного суда РСФСР от 21 сент. 1936 г. вынесла оправдательный приговор с освобождением Ивана Дмитриевича из-под стражи за отсутствием в его действиях состава преступления. Протоколом выездной сессии спецколлегии Верховного суда РСФСР Казотделения от 13 нояб. 1936 г. дело в отношении Гребенщикова Андрея Дмитриевича прекращено по душевной болезни (Из материалов уголовного дела 1931 г. в отношении Гребенщикова Ивана Дмитриевича и уголовного дела 1936 г. в отношении Гребенщикова Андрея Дмитриевича и Ивана Дмитриевича. Архив Департамента комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Восточно-Казахстанской области, г. Усть-Каменогорск, д. 02205, 03366. Материалы предоставлены А. Б. Фирсовым, Барнаул).

⁸ *Старшая сестра* Г. Д. Гребенщикова — Анисья Дмитриевна Вялкова (урожд. Гребенщикова).

⁹ *Младший брат* Г. Д. Гребенщикова Иван Дмитриевич Гребенщиков (1898 г. р.), уроженец с. Каменевка Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. Работал в сельском хозяйстве до призыва на действительную военную службу в 1917 г. В феврале 1918 г. вступил добровольцем в ряды Красной гвардии в Минской губернии; с перерывами служил в армии временного правительства, ревкоме до 1922 г. Затем работал делопроизводителем в отделе милиции г. Семипалатинска, секретарем сельсовета п. Рулиха, с. Каменевка, младшим счетоводом на Базе Турксиба. Осужден в 1933 г. по ст. 109 на год; на момент нового ареста 16 сент. 1938 г. работал заместителем главного бухгалтера промартели, проживал в г. Семипалатинске; по ст. 58-10 УК приговорен к 8 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 2 года. Признан судом виновным в том, что «с 1925 года по 1936 год вел переписку с белоэмигрантом, на-

ходящимся за границей, Гребенщиковым Георгием, антисоветского характера и распространял среди населения антисоветские суждения и провокационные слухи о войне в пользу иностранного государства». Постановлением Президиума Верховного суда Казахской ССР от 15 окт. 1957 г. приговор Восточно-Казахстанского областного суда от 15 окт. 1938 г. отменен, и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения, Иван Дмитриевич реабилитирован (Из материалов уголовного дела 1931 г. в отношении Гребенщикова Ивана Дмитриевича и уголовного дела 1936 г. в отношении Гребенщикова Андрея Дмитриевича и Ивана Дмитриевича).

¹⁰ Имеются в виду представители советской власти.

¹¹ Предполагалось, что издательство Г. Д. Гребенщикова «Алатас», как и сам писатель, сыграют одну из важнейших ролей в будущем строительстве на Алтае.

¹² Речь идет о Чураевке.

¹³ Преподобный св. Сергей Радонежский (ок. 1319—1391) был особо почитаем Н. К. и Е. И. Рерихами и Г. Д. Гребенщиковым. Н. К. Рерих посвятил св. Сергию не одну картину и ряд литературных произведений. Г. Д. Гребенщиков возвел часовню в честь св. Сергия Радонежского в Чураевке (освящена в 1930 г.), написал ряд очерков о святом и книгу «Радонега. Сказание о неугасимом свете и радужном знаменнии жития Преподобного Сергия Радонежского: к 600-летию со дня его вступления в Хотьковский монастырь» (Southbury: Алатас, 1938). Подробнее об этом см.: *Росов В. А. Николай Рерих...; Голенщцева-Кутузова В. Православные реликвии из часовни Святого Сергия в Америке // ВА. 2003. № 1—2. С. 33—38; Росов В. А. Белый Храм на высоких горах: очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове: [сб.]. СПб.: Алетей, 2004.*

¹⁴ Жена писателя Г. Д. Гребенщикова, как и он сам, верила в возможность построения на Алтае новой общины, основанной на синтезе науки, искусства и религии; Гребенщиконы ждали возвращения на Родину до конца своих дней и трудились ради этой идеи всю жизнь. Подробнее об этом см.: *Росов В. А. Николай Рерих...; Санникова А. А. Чураевка как идеал русской общины. С. 18—28.*

¹⁵ *Жалудский Александр Александрович* (1869—?) — мещанин Виленской губернии. Учился на медицинском факультете Московского университета, прослушал курс лекций по фармации в Дерптском (Юрьевском) университете. В 1899 г. служил в Красноярской аптеке общества врачей. В 1900 г. сдал экзамен на должность частного поверенного. В 1908 г. в связи с обвинением в участии в событиях 1905 г. отстранен от должности и арестован. Через год оправдан. Один из организаторов Красноярской республики. В 1918 г. служил помощником секретаря министра снабжения. Основал и был редактором периодических изданий: «Енисейская мысль», «Красноярец», «Красноярский вестник», «Красноярская газета» и сатирического журнала «Хи-ха-ха». Постоянно привлекался к суду за публикации. После Октябрьской революции эмигрировал. Жил в США.

3

29 июня 1925 <г.>¹

Родные и Любимые!

Это письмо пишем Вам в кольцах,² которые, наконец, готовы, и Порума³ надела их на нас в день нашего приезда из деревни, 25 июня, когда мы с такою радостью, после 15-дневного отсутствия, обнимали их, по-новому нам близких и таких теперь еще более к нам ласковых.

Как мы счастливы удостоверить Вам, что все идет светло и крепко, и Ваши полные любви тревоги о нас, слава Богу, более не омрачат Вас. Наша только сегодняшняя задушевная и искренняя беседа с Радной еще более всех нас сблизила и еще более укрепила наши силы. Скажу по совести, что Радна — самый острый угол и самый чувствительный коник нашего Дома. Если, от неловкого поворота даже, и здесь нет шишки на лбу, то, значит, все прекрасно. С Радной у нас теперь все и навсегда светло и крепко. А некоторые разногласия в деловых вопросах в счет не должны идти и, конечно, они еще будут. Но явно чуем, что от нашей с нею гармонии все дела «Алатаса» идут вдвое глаже и быстрее. Хотелось бы и в других делах достичь того же. Не скрою своего желания принимать ближайшее участие во всех делах.

Не буду, однако, тратить лишние слова. Сейчас у нас на очереди большой вопрос: о моей годичной поездке в Европу. Как мудро прибавление к Посланию У<чителя>⁴ о том, что это не прямой приказ, а подлежит обсуждению. Принимаю это Послание как лишнюю возможность и полноту действий в «Алатасе», и, конечно, мы все немедленно приложим все усилия использовать эту возможность для улучшения и облегчения дел «Алатаса». Конечно, Вы знаете, что мы должны поступать не по букве Закона, а по Духу его. Для обсуждения этого вопроса вчера, 28 июня, с участием Порумы, Радны, Модры,⁵ Ояны,⁶ Нару и Люмоу⁷ было совещание. Я изложил свой взгляд на эту поездку в том смысле, что она очень полезна, но не ранее 5—6 месяцев, необходимых для завершения еще многих дел в Америке и для достойной подготовки для завоеваний в Европе.⁸ За эту поездку многое и прежде всего сравнительная дешевизна печатания и личное сношение с клиентурой, но нет смысла ехать в Европу для того, чтобы там только одну-две книги напечатать. Для большего же количества нужны значительные суммы, т. е. надо в год напечатать там не менее 4—5 кн<иг>, на что, помимо расходов по поездке и содержанию бюро и нас, необходимо не менее 2500 дол<ларов>. Но мы их легче добудем, когда у нас на складе, кроме имеющихся 3-х кн<иг>, будет еще 3 тома «Чураевых», которые открывают довольно реальные пополнения, вернее погашения по нашим затратам. III т[ом] еще выходит на днях, а I [том] вчера приостановлен печатанием ввиду неимения наличности 2/3 на его печатание. Против немедленной поездки также и то, что здесь в Америке наше с Нару присутствие необходимо для упрочения здешних, хорошо налаженных отношений с клиентурой, которая нуждается в частых визитах в кн<ижные> магазины, беседах, подстегиваниях в платежах, личных публичных выступлениях и проч. Кроме того, я должен здесь в Америке написать книгу об Алтае, а немедленные сборы перебьют работу. Далее,

я мечтал хоть как-нибудь выступить в американск<ой> печати или хоть с 1—2 лекциями по-английски. И еще есть много мотивов за отсрочку поездки, и главные из них: тяжесть разлуки с Кругом и трудность положения среди старой эмиграционной массы в Европе, т<ак> к<ак> на скорое слияние с новой (в смысле орфографии и «родств<енников>») я пойти не могу, т<ак> к<ак> ни менять вех, ни тем более вдруг объявить себя «правоверным головоотяпом»⁹ не могу. Значит, моя новая орфография и внеполитичность в Америке более уместна, тогда как в Европе надо это так или иначе выявить. Одним словом, поездка может дать большую пользу, если мы поедем туда печатать книги, т. е. с деньгами (полагая, что на содержание нас уже даст само дело), и если мы здесь в Америке еще более укрепим все корни и ветви «Алатаса» и нашего Круга. Для этого прежде всего и немедленно необходимо здесь печатать I том, не останавливаясь перед перерасходом сравнительно с Европой в 400 д<олларов>. Эти 400 дол<ларов> будут возмещены, во-первых, 3—4 месяцами времени, во-вторых, нашим личным толканием здесь книги, в-третьих — I том имеет уже спрос на 300 экз<емпляров>, и в-<четверты>х, он усиливает ход II и III [томов], и наоборот задерживает их, если не выйдет еще 3—4,5 месяца. Кроме всего, в Европе уже вновь грозятся его напечатать фотографич<ески>, т. е. неувлимо-преступным способом, о чем мы даже получили откровенное предложение с приложением сметы и с запросом от нас 10% за комиссию (Захс в Берлине). Вот почему я настоятельно прошу Круг помочь мне добрать недостающие к ассигнованным 300 дол<ларам> еще хотя бы 300, чтобы напечатать книгу. Остальные 300—400 дол<ларов> я беру на свое ручательство, как уже покрыв из сумм, полученных за проданные книги, все содержание администрации за 4 месяца. В общем, как Вы увидите из прилагаемых отчетов, дела «Алатаса» прямо блестящие. Ведь мы печатаем 3 новых книги и увеличиваем наш товар в три раза. Если Вы помните, по смете к 1 июня мы предполагали получить за два тома «Чураевых» 200 дол<ларов>, а теперь мы к 1 июля за один получаем 443... А что будет, когда у нас пойдут три тома «Чураевых» и усиленное поведут за собой прежние три книги? Все сестры советуют ждать от Вас решения по этому вопросу; я же думаю по приезде Логвана¹⁰ и Авираха¹¹ убедить всех в неотложности печатания и для этого с своей стороны достану 100, а м<ожет> б<ыть>, и 200 долларов. Что касается поездки в Европу, то через 5—6 месяцев вопрос сам собою выгодно откристиаллизуется, и тогда все увидим, как поступить. В общем же все идет прекрасно. Шлем Вам Любовь и Радость.

Тарухан

Как раз сегодня с самого утра ношу в себе зарождение первой страницы книги об Алтае. Верьте и знайте, что под лучами Вашего доверия и любви — будет написана достойно Его Имени.

Послезавтра надеюсь послать Вам письмо в 200 страниц — III том. С трепетом буду ждать суда Вашего и Е<лены> И<вановны>.

Для спешности послания не могу остановиться на дивных, столь подвигающих нас Ваших письмах. Скажу только: Ваша любовь к нам и Ваше доверие — не только источник наших сил и нашей любви к Вам, но и готовое ручательство за них. Это так просто и чудесно: Радна смотрит на меня своими чистыми глазами сестры, а у меня от этого растет прямо богатырская сила готовности и внутреннего убеждения, что в эту минуту растет сила всего Круга и растут все дела. Разве можно удостоверить убедительнее этого?

¹ Письмо написано на почтовой бумаге с пометкой в левом верхнем углу: *Georg Grebenstchikoff. Singertstrasse 31. Wiesbaden*. Адрес Гребенщиковым зачеркнут.

² Кольца были символом принадлежности к Кругу и почетным знаком ученичества в общине Агни-йоги.

³ *Порума* — Нетти Хорш (1896—1991) — президент Американского Общества друзей музея Николая Рериха, жена Луиса Хорша.

⁴ Имеется в виду письмо Махатмы к Г. Д. Гребенщикову от 25 апр. 1925 г.

⁵ *Модра* — Френсис Грант (1896—1993) — журналист, вице-президент Музея Рериха в Нью-Йорке.

⁶ *Ояна* — Эстер Лихтман — журналист, член Правления Музея Рериха в Нью-Йорке. Сестра М. М. Лихтмана. Умерла в середине 1980-х гг. в одном из приютов американского штата Коннектикут.

⁷ *Люмоу* — С. Н. Рерих. См. примеч. 14 к письму 1.

⁸ Планировалось отправить Г. Д. Гребенщикова в Европу, чтобы активизировать издательскую деятельность организаций Н. К. Рериха, поскольку там были лучшие финансовые условия на тот период. И сам писатель хотел посетить Европу, ибо при довольно скором своем отъезде в США он оставил не реализованными до конца многие личные начинания и проекты. В Висбадене, где он купил дом на гонорары за издание 6-томного собрания сочинений у Я. Поволоцкого, им задумывалось не только издательство, но и книжная лавка, переплетная мастерская, литературный салон и др. Кроме того, в Фавьере он фактически бросил на попечение остальных колонистов свой земельный надел и домик.

⁹ Сначала было написано «коммунистом», а затем зачеркнуто и исправлено на «головотяпом».

¹⁰ *Логван* — Луис Хорш (1889—1979) — президент Музея Рериха и Мастер-Института Объединенных Искусств при Музее Рериха, директор Мастер-Института при Музее Рериха, преуспевающий биржевой брокер, работал в Коммерческом Департаменте администраций Рузвельта и Трумэна. В июле 1935 г. после более чем десятилетней искренней и, казалось бы, бескорыстной поддержки, Л. Хорш неожиданно разорвал свои отношения с Рерихом, приостановил деятельность музея и относящихся к нему организаций, провозгласив, что все они официально принадлежат ему. Дело тянулось до конца 1940 г., пока суд не принял решение в пользу Л. Хорша. К этому времени он вы-

гнал из здания Музея Рериха всех оставшихся сотрудников, разослав им уведомления за двое суток, и вывез все картины Н. К. Рериха, а также ценные предметы искусства, книги и периодические издания прошлых лет, научные материалы и архивы.

¹¹ *Авирах* — Морис Моисеевич Лихтман (ум. в 1948 г.) — пианист, вице-президент Института Объединенных искусств (Нью-Йорк), одного из культурных учреждений при Музее Рериха в Нью-Йорке.